

Особенности отечественной исторической памяти и парадоксы коммеморации (социально-философский анализ) на примере судьбы Волгограда

© В.А. Нехамкин¹, А.С. Цыганков², Г.В. Черногорцева¹

¹ МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

² Институт философии РАН, Москва, 109240, Россия

Рассмотрен феномен исторической памяти, его различные проявления в России и за ее пределами, в традиционной и альтернативной истории. Констатируется политическая и иная субъективность исторической памяти. Исследован механизм коммеморации, т. е. технологии передачи исторической памяти населению страны на примере Волгограда. Коммеморативные практики начали реализовываться здесь в период СССР, поэтому выделяются тенденции их становления в социальной реальности. Приведено сравнение механизмов коммеморации в СССР и России, продемонстрированы моменты их преемственности и противоположности. Дана оценка неоднозначному воздействию подобных трендов исторической памяти на общественное сознание и поступки современных волгоградцев. Показано, что в отсутствие государственной идеологии в современной России коммеморация теряет фундамент для своего становления, носит порой крайне конъюнктурный характер, лишенный футурологического измерения.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, Волгоград, Царицын, Сталинград, СССР, Россия

Историческая память — сфера исследований, относящаяся к области общественного сознания. Такой предмет (кроме социальной философии) изучается целым рядом конкретных гуманитарных дисциплин: историей, социологией, психологией, лингвистикой и т. д. Особое место в данной проблематике занимает вопрос о способах сохранения подобного типа памяти о прошлом (коммеморация). Следует отметить еще одно обстоятельство: историческая память априори не бывает объективной, она зависит от конкретного времени и страны, субъективных представлений больших групп людей, типа политического режима (тоталитарный, демократический или иной), наличия (отсутствия) государственной идеологии, превалирующей национальной идеи [1], международной обстановки и других факторов. Отсюда сохраненные в памяти народа представления о минувшем, критерии, определяющие «сохранность» именно данных событий и их трактовки, подлежат всестороннему, в том числе социально-философскому обсуждению (познанию).

В СССР память о прошлом носила достаточно мифологизированный характер, опиралась на особенности господствующей марксистско-

ленинской идеологии, задаваемую ей интерпретацию событий. Здесь четко расставлялись акценты, минувшее (особенно новейшая история) делилось на свое и чужое (западное), плохое и хорошее. Так, Е.Б. Черняк в 1962 г. указывал: «Западная историография выработала прямо-таки “стандартный образец” фальсификации хода Второй мировой войны. Основные части этого “стандарта” сводятся к следующему: изображение второстепенных по значению англо-американских операций в Северной Африке и на Тихом океане и воздушных бомбардировок Германии в качестве важнейших решающих событий войны и всяческому принижению роли главного, советско-германского фронта, где была сосредоточена подавляющая часть гитлеровских вооруженных сил ... к выпячиванию значения ленд-лиза ... к отрицанию роли Советского Союза, к победе над... Японией» [2, с. 227, 228]. По мнению авторов настоящей статьи, подобные преувеличения роли англичан и американцев в ходе Второй мировой войны 1939–1945 гг. в западной историографии имелись, но характера специально спланированной на государственном уровне фальсификации не носили.

Обозначенную тенденцию можно проследить не только в работах профессиональных историков, но и в художественной интерпретации прошлого в кинематографе (фильмы «Падение Берлина», эпопея «Освобождение» и т. д.), где нивелирование роли в победе над нацизмом западных союзников СССР (или прямые обвинения их в сотрудничестве с врагом) выступало важной частью сценариев.

В угоду конкретному лидеру страны героизировалось его личное участие в тех или иных исторических событиях, а сами они выделялись из общего ряда происшествий как значительные. (Вспомним возвеличивание Малой земли в 1970-е годы, так как там в годы Великой Отечественной войны сражался будущий генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев.)

Прошлому давались однозначные, константные оценки, исключавшие возможность их иной интерпретации, а некоторые факты, противоречившие исходным установкам, замалчивались. Например, командующий Второй конной армией Ф.К. Миронов, казненный в 1921 г., не упоминался в советских учебниках истории до 1980-х годов. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. была представлена в учебниках только как поле подвига советских людей, школьникам почти ничего не говорили о коллаборационизме, о появлении на территории Брянской (тогда Орловской) области в 1941 г. при немцах анти-советского квази-государственного образования — Локотской республики, имевшей даже свои вооруженные силы (Русская освободительная народная армия, РОНА) [3].

О неудобных фактах умалчивалось, некоторых личностей стремились показать исключительно с негативной стороны. Н.И. Махно в советской историографии до начала перестройки рассматривался преимущественно как бандит (а его союзничество с Красной армией игнорировалось). В биографии успешного генерала Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) А.А. Власова, согласившегося в немецком плену возглавить коллаборационистское военное образование — Русскую освободительную армию (РОА), задним числом пытались выявить признаки будущего предательства.

Справедливости ради надо отметить, что избирательность исторической памяти свойственна не только отечественной историографии советского периода, базировавшейся на жестких идеологических основаниях и подвергавшейся государственной цензуре, наиболее заметной в образовательной сфере. На Западе, несмотря на существование там демократии, находим очень сходную тенденцию. Как указывает М. Ферро, «...авторы западных учебников (истории — *примеч. авт.*) не отражают или во всяком случае недостаточно отражают тот очевидный оккупированной Европе факт, что гитлеровская военная мощь была сломлена именно Советской армией. Так, немцы забывают вспомнить такой показатель их технического отставания, как поражение от советских войск в крупнейшем в истории танковом бою под Курском» [4, с. 202].

В современной России историческая память (особенно молодежи) также избирательна. Здесь формально нет государственной идеологии, позволен плюрализм точек зрения относительно прошлого. И тогда на уровне народной интерпретации событий подчас происходит обращение к запретному в СССР сослагательному наклонению в истории. Так, несмотря на целенаправленную пропаганду государством патриотических настроений, именно молодые люди активно проголосовали в прямом эфире телеканала «Дождь» 27 января 2014 г., в день снятия блокады Ленинграда, за сдачу города немцам из «гуманных» соображений в 1941 г. (за капитуляцию выступили 53 %, против — 47 %). Не вдаваясь в подробный анализ причин данного «ретроголосования», которые один из авторов подробно рассмотрел в работах [5, 6], отметим следующее: резкое снижение уровня исторического образования в школах, незнание элементарных фактов прошлого, отождествление современных немцев и пришедших в СССР в 1941 г. привело к столь печальному результату.

Альтернативная история (точнее, отсутствие умения использовать ее с научных позиций) подводит массовое сознание не только в России. В США в октябре 2015 г. журнал *The New York Magazine* провел опрос на тему «Если вы смогли бы вернуться в прошлое и убить Гитлера, когда он был еще ребенком, вы бы это сделали?».

«За» проголосовали 42 %, «против» — 30 %, не определились с ответом 28 % [7]. Получается, что почти половина опрошенных ретроспективно американцев одобрили убийство невинного (ведь в момент потенциальной ликвидации А. Гитлер не совершил никаких преступлений). Да и тезис о том, что уничтожение «плохого» политика способно было бы повести историю Европы и мира 1930-х годов по иному, менее кровавому пути, довольно спорен. Таковы метаморфозы исторической памяти, попавшей на рельсы альтернативной истории [8].

В традиционной истории труды даже уважаемых западных историков весьма парадоксальны. Их память оказывается крайне избирательной, короткой, кратковременной, непоследовательной, основанной на забвении некоторых фактов. В юбилейном, посвященном 50-летию Победы над нацизмом (1995) номере журнала «Родина» американский историк Г. Жансонн (профессор ряда университетов, автор и редактор 8 изданий) позволил себе следующее обобщение: «Вооруженные силы США, *превосходившие противника вооружением и подготовкой* (курсив авт.), уничтожили около 500 тысяч вражеских солдат, что обошлось казне в 400 млн долларов, или 800 долларов на каждого убитого врага. Соединенные Штаты затратили около 1 млн долларов на вооружение, снаряжение и содержание личного состава в пересчете на каждый миллион долларов уничтоженного имущества врага. *Парадоксально, но было бы дешевле купить врага, чем уничтожить его* (курсив авт.)...» [9, с. 38]. В такой позиции много парадоксального и по форме (например то, что редакция российского юбилейного номера журнала никак не прокомментировала подобное высказывание коллеги из США, что немыслимо было бы еще 5–6 годами ранее), и по содержанию. Во-первых, о «превосходстве» армии США над противником красноречиво говорит факт ее отступления перед японскими вооруженными силами (вместе с английскими, французскими и иными союзниками) вплоть до Австралии на Тихоокеанском театре военных действий с декабря 1941 по июнь 1942 г.; катастрофическое положение в Арденнах после внезапного немецкого наступления в декабре 1944 г. (причем если поражения от японцев можно было бы списать на их предыдущий более длительный боевой опыт по сравнению с армией США, накопленный к 1941 г., то с немцами такой подход неуместен: американцы к тому моменту воевали более трех лет, а вермахт был ослаблен предыдущими боями на Западном и Восточном фронтах, ему не хватало живой силы, боеприпасов, горючего и т. д.). Во-вторых, высчитывать, во сколько долларов «обошелся» каждый убитый противник в теории можно, но этически не очень корректно. В-третьих, «купить врага» (и то только Германию) могли США, находившиеся от нее на недоступном рас-

стоянии, отделенные Атлантическим океаном. Попытка «купить» немцев со стороны Великобритании и Франции путем Мюнхенских соглашений 1938 г. (и обусловленных ими территориальных уступок со стороны Чехословакии) закончилась для французов и англичан печально, а именно военным поражением в 1940 г. США не смогли «купить» (принудив к миру на американских условиях путем экономических санкций) Японию, за что поплатились позорным поражением при ударе японцев в Перл-Харборе (декабрь 1941 г.), когда несмотря на техническое превосходство, американцы оказались не способны предвидеть внезапную атаку вражеских авиации и флота. Тем более «купить» поставками стратегического сырья в 1939–1941 гг. Германию не смог СССР, который «покупал» победу кровью, смертью своих граждан, утратой собственных территорий в 1941–1942 гг. Таким образом, историческая память оказывается неточной, пристрастной и у профессиональных западных историков.

Итак, историческая память всегда политически ангажирована, вынуждена ориентироваться на требования времени. Однако, по мнению авторов настоящей статьи, после краха СССР в России началась пора поисков иных (более глубоких) оснований исторической памяти, закономерностей ее укорененности в массовом сознании людей. Речь пойдет о процессе коммеморации, т. е. техниках (технологиях) передачи исторической памяти населению страны, фиксации ее механизмов в современном российском социуме.

В качестве объекта реализации вызванных данным явлением (системой историческая память — коммеморация) тенденций можно в принципе избрать любой объект: какую-либо личность (например, И.В. Сталина [10]), группу людей (скажем, региональное сообщество ветеранов Великой Отечественной войны), государство (например сравнив историческую память о событиях 1941–1945 гг. в России и на Украине).

Интересно рассмотреть особенности исторической памяти на примере российского города Волгограда. Причин такому решению несколько. Во-первых, город играл значительную роль в ключевых событиях отечественной и мировой истории XX в.: Гражданской и Второй мировой войнах. Во-вторых, имеет официально закрепленный символично-правовой статус со времен СССР — город-герой. В-третьих, здесь сохранились (несмотря на разрушения 1942–1943 гг.) исторические памятники. В-четвертых, город существует более 400 лет, в нем происходили значимые исторические события. Волгоград (изначально Царицын) был основан в 1589 г. и существует до сих пор, что в известной мере требует наличия некоторой преемственности в исторической памяти между различными эпохами в истории города — досоветской, советской, постсоветской, — которая проявлялась бы

в коммеморативных практиках. В-пятых, город несколько раз менял название, что тоже отразилось на функционировании механизмов исторической памяти: Царицын (1589–1925), Сталинград (1925–1961), Волгоград (с 1961 г.). Заметим: если в первых двух случаях наименование населенному пункту давала символическая принадлежность к высшей власти (в целом персонифицированной именем И.В. Сталина), то с 1961 г. его как бы в «наказание» со стороны политической элиты того времени «обезличили», превратив просто в «город на Волге» (в лучшем случае уравнивая с Тверью, Казанью, Ульяновском, Самарой, Саратовом, Астраханью и другими, а в худшем — лишив собственного специфического лица, критерия идентификации по сравнению с иными населенными пунктами). Неслучайно некоторые современные волгоградцы, представляющие не только старшее поколение, требуют (вплоть до периодически повторяющихся обращений к Президенту РФ [11]) возвращения к исходному названию города Сталинград, символу Великой победы на Волге в 1943 г. Таким образом, историческая память, ее противоречивые механизмы проявились даже в периодической смене названий города. Неудивительно, что и специалисты из Волгограда тоже интересуются коммеморацией [12, с. 255–257], это редкий случай, когда место жительства определяет научные интересы.

В качестве предпосылки исследования подчеркнем важный факт: *коммеморативные практики почти не реализовывались в Царицыне до советского времени*. Причину подобной «беспамятности» можно искать в отсутствии институциональных образований, занимающихся построением ландшафта исторической памяти посредством процессов коммеморации; в незаинтересованности купеческого сословия в финансировании коммеморативных процессов и в целом в отсутствии необходимости фиксации исторической памяти, которая во многом связана с потребностью в утверждении своей идентичности, возникающей в первую очередь в активно модернизирующихся регионах. По всей видимости, жители города Царицына, несмотря на его бурное развитие в начале XX в., еще не успели потерять идентичность, которая обеспечивалась в границах традиционного сообщества. Следовательно, по сути коммеморация Волгограда начинается в СССР. Какие здесь можно выделить тенденции?

Исходный, наиболее яркий тренд — разделение времени на настоящее, важное, как бы священное, и прежнее, «профанное», лишенное интереса с позиции советского «витка» исторической памяти. Закономерность нашла отражение в ряде памятников, монументов. Один из них находится в центре города, на площади Павших борцов: Вечный огонь в память о советских солдатах, погибших в годы Сталинградской битвы, соседствует с памятником-обелиском. На нем написаны следующие строки: «Пролетариат Красного Царицына —

борцам за свободу» и «Здесь похоронены героические защитники Красного Царицына, зверски замученные белогвардейскими палачами в 1919 г.». У Вечного огня, напротив обелиска, помещена мемориальная табличка с высеченной на ней надписью: «Здесь погребены солдаты и офицеры 62-й и 64-й армий — героические защитники города, павшие смертью храбрых в дни великой Сталинградской битвы». Более того, кроме общей архитектурной композиции, призванной показать историческую преемственность защитников города, сами защитники покоятся в общей могиле. После завершения битвы в 1943 г. солдат 62-й и 64-й армий положили в уже существовавшую могилу защитников Красного Царицына, объединив их не только на символическом, но и на фактическом уровне. Таким образом, получается, что досоветская эпоха в истории города становится как бы частью эпохи советской, посредством того что Царицын объявляется Красным Царицыном и конституируется именно как Красный Царицын. Дореволюционное прошлое города и, таким образом, вся дореволюционная эпоха осмысляются не из самих себя и вследствие этого как бы вовсе исчезают, потому как в качестве критерия деления исторических эпох выступает в данном случае сопричастность или несопричастность «делу революции», установлению нового порядка. Здесь также стоит сказать, что сама революция мыслится как точка, в которой начинается историческое время, а причастность к делу революции — как участие в целом в истории.

Еще одна тенденция коммеморации, заметная в Волгограде, — интеграция населения через память об общей борьбе с врагом. При этом имеет место преемственность между Гражданской войной и Великой Отечественной. Ведь в обоих случаях народ сражался с противниками существующей власти — «белыми» силами (которым противостоял Красный Царицын) и вермахтом (немецко-фашистскими войсками по официальной терминологии). В подобной акцентировке исторической памяти просматривается идея: «Пока мы (народ) едины, город и страна непобедимы». Монументальным выражением этой тенденции выступает стела, стоящая рядом с кораблем-памятником «Гаситель», на которой выбиты строки: «Слава речникам и пожарным Волжского бассейна — героям гражданской войны, защитникам Красного Царицына» и «Никогда советский народ не забудет мужественных сынов Волги, прославивших себя в боях за Сталинград». Здесь кроме указанных выше особенностей, обнаруживающихся в конституировании исторических эпох и их преемственности, также стоит указать на то, что как в первом, так и во втором примере значимую роль в коммеморации играют именно «защитники» Сталинграда и Красного Царицына. Поэтому кроме такого объединительного элемента, как причастность к делу революции и, следовательно, к ис-

торическому времени, стоит также выделить объединение на основе борьбы против врага. В первом случае этим врагом является Белое движение, во втором — немецкие войска. И именно борьба против врага приводит к возникновению героических памятников, или национальных монументов в терминологии Питера Карриера, который подразумевает под этим понятием «истолкование истории в героическом ключе, преимущественное создание парадных интерпретаций прошлого, крайне редкое упоминание трагических сторон даже в широко известных и прославляемых событиях и явлениях» [13, с. 92, 93].

Постсоветский период также демонстрирует специфические тенденции в эволюции механизмов коммеморации как формы проявления исторической памяти в Волгограде. Его предпосылка, отличающая данный временной отрезок от предшествующего, — отсутствие четко фиксированной государственной идеологии, границами которой задавались бы коммеморативная практика и осмысление исторического прошлого города в целом. В условиях подобного вакуума идеологии имеет место эклектика различных практик коммеморации. Специалисты объясняют ситуацию несколькими причинами. Во-первых, при неопределенности идеологической составляющей политического режима в России в 1990-е годы (от советского уходим, но куда идем — не ясно) чиновники опасаются делать самостоятельные шаги в данном направлении, что накладывается на общее падение уровня исторического образования (знания) в стране. Здесь следует согласиться с А.И. Миллером, отмечавшим: «В 1990-е годы на фоне болезненных трансформаций общественный интерес к истории заметно уменьшился. После 1993 г., когда невозможность процесса над КПСС стала очевидной, властные органы на долгое время свертывают сколько-нибудь активную деятельность в сфере политики памяти» [14, с. 114].

Во-вторых, объективно советские коммеморативные практики (представленные в многочисленных монументах) накладываются на идущую от новой политической элиты (вышедшей в основном из рядов КПСС, что придает дополнительную парадоксальность ситуации!) традицию возвращения к старым, дореволюционным (имевшим место до 1917 г.) истокам. Тенденция, по мнению И.И. Куриллы, обусловлена следующим обстоятельством: «Российское руководство поставило перед собой цель создания единой символической системы для всей России, что означало также и стремление оформить более сложную структуру этой системы, включение в нее условно “дореволюционных”, советских и постсоветских символов» [15, с. 9, 10]. Но подобные дореволюционные, советские и постсоветские символы для понимания требуют векторности, развития истории к определенной цели, к определенному результату, исходя из которого можно было

бы осуществить взаимосвязь этих символов. Но ее (при отсутствии идеологии) невозможно построить.

Обозначенная выше тенденция к эклектике исторической памяти отчетливо проявляется в современных коммеморационных практиках. Так, с 2000-х годов стали появляться новые памятники, направленные на коммеморацию дореволюционной истории Царицына: Петру Первому (2003), Александру Невскому (2007), воеводе Царицына Григорию Засекину (2009), а также жителям Царицына — участникам Первой мировой войны (2014). Даже обозначенный выше неполный список памятников — результат процессов коммеморации, направленных на дореволюционную, досоветскую историю города, — показывает, что выбор того или иного исторического деятеля или события носит хаотический характер, а приведенные выше результаты процессов коммеморации сами по себе не имеют никакого выхода на другие исторические эпохи. Сходная ситуация наблюдается и с памятниками, появившимися в постсоветское время, которые призваны зафиксировать в исторической памяти советское прошлое и в первую очередь прошлое, связанное со Сталинградской битвой. Так, природный памятник Тополь на площади Павших борцов (1993), мирным жителям Сталинграда (1995), героям Волжской флотилии (1995), собакам — истребителям фашистских танков (2011), по мнению авторов, не имеют и не конституируют никакой преемственности между историческими эпохами в истории города. Содержание исторической памяти об истории города, которая репрезентирует себя в памятниках — результатах процесса коммеморации, представляется неким архипелагом, где различные «острова» прошлого — исторические эпохи — никак не связаны друг с другом. Все «острова» архипелага имеют общее происхождение, отыскать которое не представляется возможным по причине отхода от идей поступательного, прогрессивного развития истории, задающего связность исторических эпох, их преемственность.

В коммеморации постсоветского периода в Волгограде можно отметить еще одну тенденцию — полный уход от политической составляющей исторической памяти. Здесь в качестве источника коммеморации берется какое-либо нейтральное историческое событие, например, история определенного вида транспорта — городского трамвая, обладающая специфическим прошлым. Она безопасна для властей (потому что не может послужить поводом для санкций за неправильную трактовку прошлого со стороны областной или федеральной политической элиты) и нейтральна для горожан, ибо не затрагивает их личных политических симпатий, не уводит в опасные «дебри» поиска альтернативных вариантов минувшего (как случилось с идеей о гуманности сдачи Ленинграда врагу в 1941 г.). Такая

коммеморация соединяет дореволюционное и последующее прошлое, а не противопоставляет их. В качестве примера отметим проект празднования 100-летия городского трамвая. Данный проект соединяет три эпохи в истории Волгограда: досоветскую, советскую, постсоветскую. Примечательно, что для осмысления качественного различия исторических эпох, их конституирования была избрана точка технического развития, максимально нейтральная в символическом измерении, обращение к которой в первую очередь не объединяет людей, жителей города, а демонстрирует поступательное развитие техники. Это обстоятельство лишней раз указывает на следующий факт: в современных коммеморативных практиках, реализующихся в Волгограде, нет четко сформулированного и высказанного представления как о будущем города, так и о его историческом прошлом, которое дало бы возможность конституировать качественное различие исторических эпох и выстраивать их преемственность.

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, как и любой вид мышления, историческая память испытывает воздействие различных факторов. Обобщим данные параметры, проявляющиеся на локальном историческом уровне. Еще в 1739 г. воспитанный на идеях философов-просветителей XVIII в. будущий король Пруссии Фридрих Великий указывал: «Различие климата, питания и воспитания людей создает абсолютное превосходство между ними в жизни и умонастроении» [16, с. 28]. Сегодня их количество, выделяемое учеными, существенно выросло. К климату, качеству потребляемой пищи, уровню образования (в том числе и руководителя страны [17]) добавились влияние государственных институтов, экономический уклад, религия, язык (последние два фактора служат базовыми в цивилизационном подходе в редакции С. Хантингтона), СМИ [18], господствующая в данном социуме концепция человека [19], уровень философской рефлексии индивидов [20], доминирующие исторические мифологемы [21] и т. д.

Ясно одно: механизмы коммеморации как элемент ретрансляции исторической памяти испытывают влияние различных факторов, количество которых неизменно возрастает. Более того, они доступны государственному регулированию.

Во-вторых, коммеморация (ориентирующаяся на государственную идеологию) предполагает дифференциацию времени на священное и мирское, доисторическое и историческое. Тренд прекрасно проявился в Волгограде. На советском этапе преемственность между Красным Царицыном и Сталинградом создается с помощью обращения к революции, которая как бы делит все время на неисторическое (до Октябрьской революции 1917 г.) и историческое (после револю-

ции), а также посредством героических образов сражавшихся против Белого движения (Красный Царицын) и немецких войск (Сталинград).

В-третьих, в постсоветском процессе коммеморации после отхода от четких идеологических границ, в рамках которых осуществлялась интерпретация исторического прошлого, и от представления о поступательном, векторном развитии истории исчез существовавший ранее критерий, позволявший конституировать историческую эпоху, качество того или иного периода времени. Вместе с этим практически полностью исчезли процессы коммеморации, направленные на создание, фиксацию преемственности разных исторических эпох. Исключением является лишь проект празднования 100-летия городского трамвая, где в качестве основания различения исторических эпох берется нейтральное техническое развитие, за которым без специального, целенаправленного исследования неразличимы сами люди, участники и акторы истории.

Выявление указанных тенденций исторической памяти и коммеморации пока не носит универсального характера, касается одного (пусть и крайне значимого) российского города. Они, по мнению авторов, должны быть проверены историками, социологами и иными специалистами на более обширном (область, регион, страна) эмпирическом материале.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лебедев К.С., Нехамкин В.А. Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции. *Гуманитарный вестник*, 2015, № 12, с. 2. DOI: 10.18698/2306-8477-2015-12-326
- [2] Черняк Е.Б. *Историография против истории*. Москва, Издательство АН СССР, 1962, 370 с.
- [3] Веревкин С.И. *Самая запретная книга о Второй мировой*. Москва, Яуза-пресс, 2009, 608 с.
- [4] Ферро М. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва, Высшая школа, 1992, 351 с.
- [5] Кавинова И.П., Кулагин А.О., Нехамкин В.А. Интерпретация Великой отечественной войны в исторической памяти современной молодежи: «уроки» для педагога. *Социология образования*, 2015, № 5, с. 4–19.
- [6] Нехамкин В.А. Контрфактический вызов прошлого: пути преодоления. *Вестник Российской академии наук*, 2017, т. 87, № 3, с. 248–256.
- [7] *А вы убили бы Гитлера-ребенка, попав в прошлое?* URL: <https://hodor.lol/post/45963/> (дата обращения 14.11.2018).
- [8] Нехамкин В.А. *Альтернативы прошлого в философии истории: теоретико-методологический анализ*. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, Макс-пресс, 2008, 32 с.
- [9] Жасонн Г. Третий фронт. Чем обернулась Вторая мировая война для Соединенных Штатов. *Родина*, 1995, № 5, с. 38–41.

- [10] Линченко А.А., Иванов А.Г. «Живите тыщу лет, товарищ Сталин...» Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти. *Диалог со временем*, 2017, № 59, с. 116–135.
- [11] В Интернете появилась петиция о переименовании Волгограда в Сталинград. *Все для вас*. URL: <http://news.vdv-s.ru/society/3289-v-internete-rojavilas-peticija-o-pereimenovanii.html> (дата обращения 17.02.2019).
- [12] Глущенко Г.Ю., Федулов И.Н. Коммеморация как возможность истории. Анализируя Пьера Нора. *Проблемы современного социума глазами молодых исследователей. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Волгоград, май 2015 г.)*. Волгоград, Сфера, 2015, с. 255–257.
- [13] Колягина Н.К. Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками. *Историческая разметка пространства и времени. Волгоградский исторический семинар*, 2014, вып. 5, с. 89–112.
- [14] Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. *Полития*, 2013, № 4, с. 114–125.
- [15] Курилла И.И. Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества. *Историческая разметка пространства и времени. Волгоградский исторический семинар*, 2014, вып. 5, с. 5–11.
- [16] Фридрих Великий. *Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Маккиавеллиеву науку об образе государственного правления*. Москва; Санкт-Петербург, РИПОЛ классик, Пальмира, 2017, 243 с.
- [17] Нехамкин А.Н. *Президент для будущей России. Проблема оптимального общественного выбора*. Брянск, Брянское областное полиграфическое объединение, 2008, 527 с.
- [18] Майкова В.П. СМИ в системе политических институтов. *Лесной вестник*, 2013, № 5, с. 90–94.
- [19] Черногорцева Г.В. Человек в философском дискурсе: к истории идей. *Гуманитарный вестник*, 2015, № 9, с. 6. DOI: 10.18698/2306-8477-2015-9-288
- [20] Черногорцева Г.В. Философия в техническом вузе (как заинтересовать студентов?). *Высшее образование в России*, 2005, № 5, с. 122, 123.
- [21] Линченко А.А., Цыганков А.С. Мифологемы в историческом познании: мифологическое должное vs. исторического сущего. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2014, № 5, с. 19–28.

Статья поступила в редакцию 19.02.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нехамкин В.А., Цыганков А.С., Черногорцева Г.В. Особенности отечественной исторической памяти и парадоксы коммеморации (социально-философский анализ) на примере судьбы Волгограда. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 2. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-599>

Нехамкин Валерий Аркадьевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: nechamkin@rambler.ru

Цыганков Александр Сергеевич — канд. филос. наук, научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: m1dian@yandex.ru

Черногорцева Галина Владимировна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: irbiscotta@mail.ru

The features of national historical memory and the paradoxes of commemoration (socio-philosophical analysis): the example of the fate of Volgograd

© V.A. Nekhamkin¹, A.S. Tsygankov², G.V. Chernogortseva¹

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²Institute of Philosophy RAS, Moscow, 109240, Russia

The article considers the phenomenon of historical memory, its various manifestations in Russia and abroad, in traditional and alternative history. The political and other subjectivity of historical memory is established. The mechanism of commemoration, i.e. technology of historical memory transfer to the population of the country on the example of the city of Volgograd is investigated. Commemorative practices began to be realized there in the period of the USSR, the tendencies of their formation in the social reality are singularized. A comparison of the mechanisms of commemoration in the USSR and in the Russian Federation is made, and moments of their continuity and opposition are demonstrated. The ambiguous impact of such historical memory trends on the public consciousness and actions of modern Volgograd residents is assessed. It is shown that in the absence of a state ideology in modern Russia, the commemoration loses the foundation for its formation, and is sometimes of an extremely opportunistic nature, devoid of futurological dimension.

Keywords: historical memory, commemoration, Volgograd, Tsaritsyn, Stalingrad, USSR, Russia

REFERENCES

- [1] Lebedev K.S., Nekhamkin V.A. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of Bauman Moscow State Technical University*, 2015, no. 12 (38), p. 2.
DOI: 10.18698/2306-8477-2015-12-326
- [2] Chernyak E.B. *Istoriografiya protiv istorii* [Historiography vs. history]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962, 370 p.
- [3] Verevkin S.I. *Samaya zapretnaya kniga o Vtoroy Mirovoy* [The most forbidden book about the Second World War]. Moscow, Yauza-press Publ., 2009, 608 p.
- [4] Ferro M. *Comment on raconte Histoire aux enfants à travers le monde entire*. Paris, Payot Publ., 1981, 107 p. [Ferro M. Kak rasskazyvaut istoriu detyam v raznykh stranakh mira. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992, 351 p.].
- [5] Kavinova I.P., Kulagin A.O., Nekhamkin V.A. *Sociologiya obrazovaniya — Sociology of Education*, 2015, no. 5, pp. 4–19.
- [6] Nekhamkin V.A. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk — Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 87, no. 3, pp. 248–256.
- [7] *A vy ubili by Gitlera rebenka, popav v proshloe?* [And would you kill Hitler child, hitting the past?]. Available at: [www. https://hodor.lol/post/45963/](http://www.hodor.lol/post/45963/) (accessed November 14, 2018).
- [8] Nekhamkin V.A. *Alternativy proshlogo v filosofii istorii: teoretiko-metodologicheskii analiz*. Dis. cand. filos. nauk. Avtoreferat [Alternatives to the past in the philosophy of history: a theoretical and methodological analysis. Cand. phylos. sci. diss. Abstract]. Moscow, Maks-press Publ., 2008, 32 p.
- [9] Zhasonn G. *Rodina (Motherland)*, 1995, no. 5, pp. 38–41.
- [10] Linchenko A.A., Ivanov A.G. *Dialog so vremenem — Dialogue with time*, 2017, no. 59, pp. 116–135.

- [11] *V Internete pojavilas petitsiya o pereimenovanii Volgograda v Stalingrad* [A petition to rename Volgograd to Stalingrad has appeared on the Internet]. Available at: <http://news.vdv-s.ru/society/3289-v-internete-pojavilas-peticija-o-pereimenovanii.html> (accessed February 17, 2019).
- [12] Glushchenko G.Yu., Fedulov I.N. Kommemoratsiya kak vozmozhnost istorii. Analiziruya Pyera Nora [Commemoration as an opportunity of history. Analyzing Pierre Norah]. *Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: Problemy sovremennogo sotsiuma glazami molodykh issledovateley. Volgograd, May 2015* [Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference: Problems of modern society through the eyes of young researchers. Volgograd, May 2015]. Volgograd, Sfera Publ., 2015, pp. 255–257.
- [13] Kolyagina N.K. Burokraty, patrioty, autsайдery: strategii vzaimodeystviya s novymi rossiyskimi pamyatnikami [Bureaucrats, patriots, outsiders: strategies for interacting with new Russian monuments]. *Volgogradskiy istoricheskiy seminar: Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni* [Volgograd Historical Seminar: Historical markings of space and time]. 2014, no. 5, pp. 89–112.
- [14] Miller A. I. *Politiya — Politeia*, 2013, no. 4 (71), pp. 114–125.
- [15] Kurilla I.I. Stalingrad po prazdnikam: neustoychivyy hronotop postsovetskogo obschestva [Stalingrad on holidays: an unstable chronotope of the post-Soviet society]. *Volgogradskiy istoricheskiy seminar: Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni* [Volgograd Historical Seminar: Historical markings of space and time]. 2014, no. 5, pp. 5–11.
- [16] Friedrich der Grosse. *Anti-Machiavel Oder Prüfung der Regeln Nic. Machiavells Von der Regierungskunst eines Fürsten: Mit historischen und politischen Anmerkungen*. Göttingen, Universitäts-Buchhandlung Publ., 1741 [In Russ.: Frederick Velikiy. Anti-Makiavelli, ili opyt vozrazheniya na Makiavellievu nauku ob obraze gosudarstvennogo pravleniya. Moscow, RIPOL klassik Publ., St. Petersburg, Palmira Publ., 2017, 243 p.].
- [17] Nekhamkin A.N. *Prezident dlya buduschey Rossii. Problema optimalnogo obschestvennogo vybora* [President for the future of Russia. The problem of optimal public choice]. Bryansk, Bryanskoe oblastnoe poligraficheskoe obyedinenie Publ., 2008, 527 p.
- [18] Maykova V.P. *Lesnoy vestnik — Forestry Bulletin*, 2013, no. 5, pp. 90–94.
- [19] Chernogortseva G.V. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of Bauman Moscow State Technical University*, 2015, no. 9 (35), p. 6.
DOI: 10.18698/2306-8477-2015-9-288
- [20] Chernogortseva G.V. *Vyssee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*, 2005, no. 5, pp. 122–123.
- [21] Linchenko A.A., Tsygankov A.S. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii — Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2014, no. 5 (25), pp. 19–28.

Nekhamkin V.A., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: nechamkin@rambler.ru

Tsygankov A.S., Cand. Sc. (Philos.), Research Fellow, Institute of Philosophy RAS. e-mail: m1dian@yandex.ru

Chernogortseva G.V., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: irbiscotta@mail.ru